

ДЕМИДОВЫ

81

На левом берегу Арно, рядом с набережной у Ponte alle Grazie, есть Piazza Nicola Demidoff, названная в честь Николая Никитича Демидова (1773–1828), русского посланника при Тосканском дворе, мецената, почетного гражданина Флоренции. В центре площади под стеклянным ажурным навесом установлен памятник Демидову работы Лоренцо Бартолини. В центре — Демидов в образе римского сенатора, который обнимает маленького сына; женская фигура, символизирующая Признательность, преподносит ему лавровый венок. По углам — четыре статуи-аллегии: Природа, Искусство, Милосердие и Сибирь (последняя держит на руках Плутона с мешком золота). Памятник был создан по заказу сына посланника Анатолия Николаевича Демидова и преподнесен им в подарок Флоренции.

Основание роду Демидовых, сыгравшему заметную роль в новой истории Флоренции, положил сын тульского крестьянина-кузнеца Никита Демидович Антуфьев. В 1696 г. Петр Великий по пути в Воронеж остановился в Туле и приказал спросить местных умельцев, не возьмутся ли они за месяц выковать триста алебард по привезенному образцу. На вызов царя явился единственный желающий — кузнец Никита Антуфьев. Вскоре после первого испытания Петр заказал ему же изготовить ружья по иноземному образцу, и Антуфьев опять с честью справился с царским заданием. В благодарность Петр пожаловал мастеру участок земли на берегу Тулицы, право добычи железной руды и фамилию Демидов. Через некоторое время Демидовы получили в дар от царя обширные земли на Урале и в Сибири, открыли там магнитные, серебряные и медные рудники. По свидетельству Голикова, биографа Петра, в 1715 г., когда у царя родился сын Петр Петрович, Никита Демидов прислал “на зубок” царевичу “множество драгоценных золотых вещей из древних сибирских курганов и сто тысяч рублей деньгами”. В 1720 г. Петр возвел Никиту Демидовича Демидова в потомственное дворянство.

Никита Демидов умер 17 ноября 1725 г. и был погребен в Туле при Христорождественской церкви (называемой Демидовской), в чугунной гробнице под папертью. Его сын Акинфий Никитич расширил отцовское дело, и когда в 1745 г. он скончался, три его сына — Прокофий, Григорий и Никита Демидовы унаследовали огромное

Памятник почетному гражданину Флоренции
Николаю Никитичу Демидову на площади его имени.

состояние: десятки рудников и заводов, другую недвижимость, а также более тридцати тысяч крестьян (приписных вечноотданных крепостных).

Первым из Демидовых побывал в Европе Прокофий Акинфиевич Демидов во время большого заграничного путешествия. Историк С. Н. Шубинский писал:

84

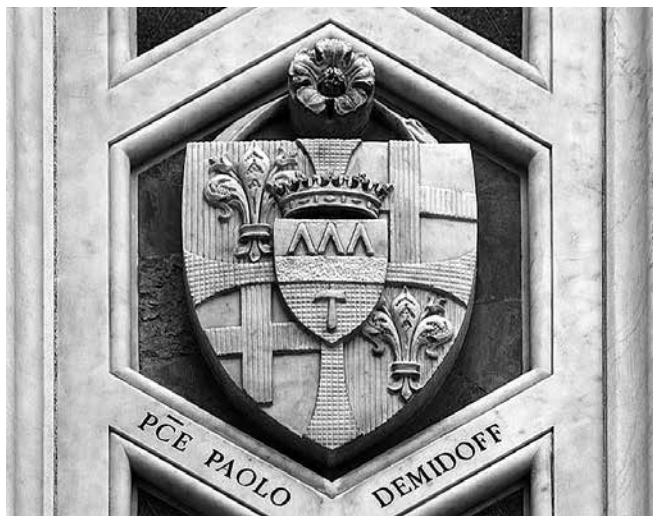
“Цель этого путешествия заключалась, конечно, в желании посмотреть на заморскую роскошь и испытать те развлечения и наслаждения, которых нельзя было достать в России ни за какие деньги. Остановливаясь во всех главнейших городах Европы, Прокофий Акинфиевич предавался такой праздной и шумливой жизни и делал такие чудовищные закупки разных предметов роскоши, что привел иностранцев в ужас. Пируя на лукулловых праздниках Демидова, они с недоумением качали головами и говорили друг другу на ухо: «Как он мотает! С чем-то выедет отсюда?», а Прокофий Акинфиевич между тем посмеивался вслух над бедностью Европы, отзываясь, что ему некуда тратить денег и что он не может достать себе даже самое необходимое. Такое безумное бросание денег, разумеется, скоро сделало имя Демидова известным за границей. Везде, где он ни проезжал, его принимали, как принца, — с почестями и низкопоклонством”.

В России Прокофий Демидов жил в Москве, т. к. в Санкт-Петербурге, по замечанию того же биографа, “присутствие двора сдерживало его произвол, а придворный блеск отчасти затмевал пышность, которой он окружил себя”. Унаследовав в Москве несколько домов,

Прокофий выстроил на Басманной улице близ Разгуляя еще один дом самой затейливой архитектуры и снаружи обшил его весь железом — как защиту от частых по тем временам пожаров.

Шубинский: *“Внутренняя отделка дома была великолепна и вполне соответствовала колоссальному богатству хозяина. Массы золота, серебра и самородных камней ослепляли глаза, на стенах, обитых штофом и бархатом, красовались роскошные картины; зеркальные окна и лестницы были уставлены редкими растениями; мебель из пальмового, черного и розового дерева поражала своей тончайшей, как кружево, резьбой; на мозаиковых полах лежали ковры из тигровых, собольих и медвежьих шкур; на потолках были развешаны в золотых клетках птицы всех стран света; по комнатам гуляли ручные обезьяны, орангутанги и другие звери; в мраморных бассейнах плавали разнородные рыбы; мелодические звуки органов, искусно вделанных в стены, увеселяли слух посетителей; в столовой фигурные серебряные фонтаны непрерывно били вином; роскошный и обильный обед был во всякое время готов для всех желающих — словом, Демидов сосредоточил в своем доме всю роскошь и великолепие, которые только были доступны тогдашнему искусству и фантазии”.*

Биографы семейства Демидова свидетельствуют, что с годами странности Прокофия Акинфиевича увеличились. По Москве он ездил не иначе, как цугом, в колымаге, окрашенной ярко-оранжевой краской. Экипаж состо-

Герб Демидовых на фасаде Собора Санта-Мария дель Фьоре.

ял из двух маленьких лошадей в корню, двух огромных в середине с едва приметным фореитором, и двух также небольших лошадей впереди, с фореитором столь высокого роста, что длинные ноги его тащились по мостовой. Ливрея лакеев вполне гармонировала с упряжью: одна половина была сшита из золотой парчи, другая из самой грубой сермяги; одна нога лакея была обута в шелковый чулок и башмак, другая в онучи и лапоть. Когда вошло в моду носить очки, Демидов их надел не только на свою прислугу, но даже на лошадей и собак...

Однако Прокофий Демидов вошел в историю не только своей экстравагантностью. Он жертвовал огромные суммы на Московский университет; на свои деньги основал в Москве коммерческое училище для ста мальчиков из купеческих семей. За его благотворительную деятельность императрица Екатерина Великая пожаловала ему чин действительного статского советника. В ноябре 1786 г. П. А. Демидов скончался и был погребен в Донском монастыре за алтарем Сретенской церкви; благодарный Университет прислал целую депутацию к гробу усопшего.

87

Совершил путешествие в Европу в 1771-1773 гг. и другой сын Акинфия Демидова — Никита Акинфиевич, наследник нижнетагильской части отцовского состояния. Это путешествие подробно описано в изданном Демидовым в Москве в 1786 г. “Дневнике путешествия по иностранным государствам”. В “предуведомлении” к нему секретарь Демидова написал:

“Главным побуждением к предприятю его высокородием Никитою Акинфиевичем сего путешествия была беспрестанная болезнь Александры Евтихievны, его супруги, ибо господа медики, ее пользовавшие, употребив многие способы своего знания, но без успеха, напоследок отозвались что к ее исцелению другого средства они не находят, кроме как ехать к водам, в Спа находящимся. Сей совет и надежда, чтоб видеть в совершенном здорovie свою супругу, побудили его предпринять столь дальний путь”.

Лечение минеральными водами на бельгийском курорте Спа прошло успешно, и на следующий год, в Париже, А. Е. Демидова (урожденная Сафонова) благополучно родила дочь Екатерину. На радостях Никита Демидов заказал молодому русскому скульптору Федоту Ивановичу Шубину, приехавшему в Париж из Рима, где стажировался, мраморные бюсты — свой и жены (они сейчас находятся в Третьяковской галерее). Федот Шубин, поселившийся в парижских апартаментах Демидовых, приступил к работе и при этом настолько увлекательно рассказывал *“о древностях римских и всех достопамятных вещей”*, что *“возбудил охоту видеть Италию”*.

В начале декабря 1773 г. Демидовы, оставив маленькую дочь в Париже *“с хорошим присмотром”*, тронулись в путь в Италию, *“с намерением осмотреть такую землю, которая изобильна была всеми произведениями и притом великими людьми, героями, чиновниками, гражданами, учеными и художниками”*. С ними отправились двое парижских знакомых — князь Сергей Сергеевич Гагарин (впоследствии действительный тайный советник и русский посланник в Лондоне) и будущий известный историк и коллекционер граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин. Взяли в путешествие и Шубина — *“по довольному его знанию италийского языка”*.

Через Лион и Шамбери русские путешественники приехали дилижансами в столицу Пьемонтского королевства Турин, где остановились на постоялом дворе *“Город Лондон”*. Потом долго ехали на почтовой карете

через Милан, Парму и Болонью (везде осматривая местные достопримечательности), *“по причине грязной дороги, ибо тогда была осень и зима вместе”*. С особыми сложностями преодолели путь от Болоньи до Флоренции — *“по причине великого снегу, в горах лежавшего”*. 7 января 1773 г. они достигли, наконец, Флоренции — столицы Великого герцогства Тосканского, где прожили потом две недели.

89

Знакомый английский посланник представил русских гостей Великому герцогу Пьетро Леопольдо I (брату императора Священной Римской империи Иосифа II Габсбурга) и Великой герцогине Марии Луизе (дочери испанского короля Карла III), которые устроили в честь них специальный прием. Путешественники сделали ряд важных визитов (например, во дворец принцев Корсини на правом берегу Арно), побывали в оперном театре “Pergola” на Via Ghibellina, одевшись, по местному обычаю, в маскарадные костюмы, ибо *“во всей Италии, кроме папского владения, с самого рождества по первую неделю великого поста ходят даже и по улицам и по всем позорищам в маскарадном платье”*. Несколько раз посещали “Казино” (или, на английский манер, “Клоб”) — популярное еще со времен Медичи заведение, где флорентийская элита привыкла узнавать последние светские и политические новости, просматривать свежие газеты, пить входивший в моду кофе и играть в карты. “Клоб” этот (Casino Mediceo di San Marco) находился в квартале между улицами Larga (ныне Savour) и San Gallo.

Осмотр художественных сокровищ Флоренции русские гости начали с великогерцогской галереи Уффици, где Никиту Акинфиевича особенно поразила скульптура Венеры Медицейской в зале “Трибуны” — восьмиугольной комнате с обитыми малиновым бархатом стенами, организованной еще в конце XVI в. при герцоге Франческо I. Н. А. Демидов свидетельствует об этом скульптурном шедевре (римской копии I в до н.э. с утраченного греческого оригинала), в конце XVII в. перевезенном Медичи из Рима во Флоренцию:

“Наисовершеннейший пример сего искусства, имеет шесть футов в вышину, с двумя напереди купидонами и Дельфином на боку. Она представлена вся нагая; голова поворочена на левое плечо; правую руку держит, не дотрогиваясь над грудьми, а левую в некотором расстоянии закрывает то, что благопристойность запрещает показывать. Не можно лучше и совершеннее выдумать”.

В “Дневнике” Демидова имеется и первое в русской литературе описание знаменитой флорентийской коллекции автопортретов великих художников, которая в то время находилась в специально отведенном зале галереи Уффици (позднее перенесена в “коридор Вазари” на Понте Веккьо):

“Здесь имеется множество оригинальных картин наилучших живописцев и помещены в особливой зале, самими с себя списанные, а наипаче первейшего из них славнейшего Рафаела портреты”.

Зал «Трибуна» в галерее Уффици.
В глубине — Венера Медицейская

Осмотревши Уффици, гости перешли в Палаццо Питти (*“он соединен с галереею и Старым дворцом переходами”*). Среди множества находящихся здесь произведений живописи Н. А. Демидов особенно выделил *“Мадонну сидящую”* Рафаэля Санти:

“Картина овальная, изображающая Богородицу с пречечным младенцем, у коего глаза толико в пункт приведены, что с которой стороны ни посмотришь, кажется всюду пронизательно взирающим; известна под именем

Madona della Sedia вензеля Рафаелова. Она написана по пояс в натуральную величину. Не можно ни нарисовать, ни придать совершеннее изображения, как в сей картине”.

Интересно мнение Демидова о Великом герцогстве Тосканском:

92

“Герцогство Тосканское, прежде называемое Этрусским, может почестся наиболагополучнейшим, ибо земля его плодоносна и всеми нужными произведениями изобилующая. Торговля отправляется в хорошем состоянии маслом оливковым, шелком и шерстью. Войска здесь только считается до 6000 человек; но в случае нужды герцог может содержать и тридцать тысяч; а как он брат римскому императору и зять испанскому королю, то первый может снабдить его в случае надобности людьми, а последний деньгами, чрез что он будет защищен от всякого нападения и притеснения соседственного. В сем герцогстве, как нам объявляли, читается до миллиона жителей. Доходу со всего собирается на наши деньги около трех миллионов рублей. Здешные жители вообще самые добрые и честные люди и к воровству совсем не склонны; ибо ограбленных, а наипаче убитых весьма редко находят”.

Столица Тосканы особенно понравилась Демидовым:

“Весь город Флоренция и все улицы вымощены большими гладкими камнями, плотно соединенными. Река Арно протекает через весь сей город и разделяет его пополам. Она имеет, как сказывали, во время разлития до 70 са-

жен ширины; начало свое берет в горах Апененских, а впадает под Пизую в Тосканское море... Строение в сем городе, вообще сказать, самое хорошее, домики не огромны, но к житию способные, улицы довольно широки и чисты; жители ласковы и обращаются с чужестранными поприятельски. Съестные припасы и прочее все дешево...

После Флоренции путешественники отправились в Рим, где пробыли месяц, потом три недели провели в Неаполе и его окрестностях. На обратном пути они снова побывали в Риме (посмотрев пасхальные торжества), а достигнув Тосканы, остановились на этот раз в Пизе, где в начале апреля 1773 г. находился двор Великого герцога *“для отправления кавалерского праздника святого Стефана, ибо сего ордена герцог гроссмейстер”*.

Н. А. Демидов так описывает Пизу:

“Пиза особое имеет архиепископство, второй город герцогский, и первый после Флоренции. Довольно велик, улицы в нем пространные, вымощены большими камнями, да и дома, говоря вообще, преизрядно выстроены. По реке Арно могут ходить всякие суда. Она вдвое шире Тибра, что в Риме. Через сию реку построены три каменных моста, из которых середний весь мраморный. Пизская соборная церковь подобна сооружением Сиенской, только здешняя побольше и положение ее преимущественнее: колокольня по особой архитектуре, на правую сторону весьма наклонившаяся, сделана вся из мрамора с немалыми в шесть ярусов колоннами. Подобие ее есть настоящий цилиндр. Поверхность плоска и обведена ба-

люстрадом, с которого мы спускали на веревке свинец или отвес, то оной становился пятнадцать шагов от фундамента”.

94

В главном порту Великого герцогства — Ливорно Демидовы виделись с офицерами русского флота, проживающими в нанятом большом палаццо главнокомандующего, графа А. Г. Орлова. По дороге из Пизы в порт Леричи, около местечка Сарцана с дорожной каретой Демидовых приключилась история, имевшая все шансы окончиться трагически для Демидовых и их не родившегося еще наследника. Вот запись из “Дневника путешествия”:

“Переезжая чрез малый, но крутой мыс, у кареты, в коей сидели Александра Евтихиевна, будучи беременной, Никита Акинфиевич и Михаила Савич Бороздин (полковник, будущий генерал-поручик, присоединившийся к Демидовым в Риме. — А. К.) две впереди заложенные лошади оторвались. Коренные две не могли удержать кареты, потащены были тягостию оной в буерак, на краю коего стоящее дерево удержало стремительность падения... Карета, хотя и опрокинулась вверх колесами, но упала не столь сильно, отчего большого повреждения никому и не учинилось, однако ж крайне все были испуганы. Из буерака вывезли карету с великим трудом на быках, на коих поблизости тамошнего места пахали...”

Счастливо избежав опасности, Демидовы поплыли из Леричи на двух небольших парусных фелюках в

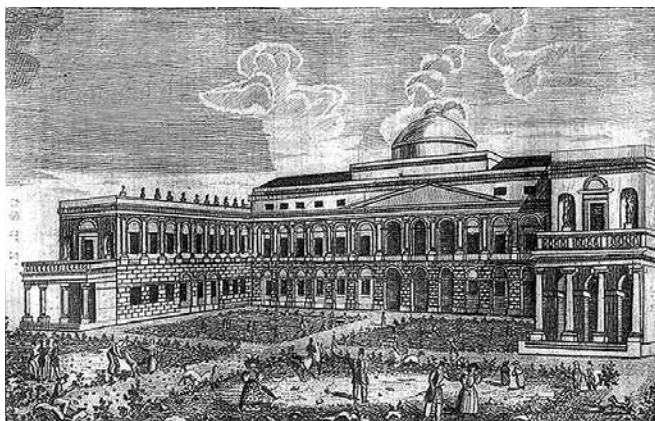
Геную, а оттуда, через Турин, альпийские перевалы и Швейцарию, вернулись во Францию.

На обратном пути в Россию, незадолго перед возвращением в Петербург, 9 ноября 1773 г., в местечке Чирковицы за Нарвой произошло счастливое для семьи событие: Александра Евтихиевна Демидова *“с осьмого часу начала чувствовать приближение ею родин, для чего послали немедленно за бабкой, а между тем упросили и почтмейстерскую жену о неоставлении в сем случае вспомоществованием. А в 9 часов с четвертью благополучно разрешилась от бремени, и к неописанной радости ее супруга даровал ему Бог сына, как бы в награждение за его столь дальнее и многотрудное путешествие, предпринятое им единственно для ее исцеления. Новорожденной же по прочтении молитвы наречен Николаем”*.

95

Николай Никитич Демидов переехал во Флоренцию из Парижа после смерти первой жены Елизаветы Александровны (урожденной Строгановой) и вскоре сменил Н. Ф. Хитрово на посту русского посланника при дворе великого герцога Тосканского. Граф Д. П. Бутурлин, также много лет проведший во Флоренции, описал быт и нравы русской колонии во Флоренции в бытность там Н. Н. Демидова, который, по словам Бутурлина, *“зажил там владетельным князем”*:

“Нанимаемый им палацо Серистори у моста delle Grazie представлял пеструю смесь публичного музея с обстановкою русского вельможи прошлого века. Тут были французские секретари, итальянские commissione-

Дворец Демидовых во Флоренции. 1820-е гг.

ры, сибирские горнозаводские конторщики, приживалки, воспитанницы и в дополнение ко всему этому французская водевильная труппа в полном составе... Сверх сего штата постоянно проживали у него бездомные игроки и паразиты... В доме Н. Н. Демидова находилась также выставка малахитовых и других ценных вещей, а в саду — коллекция попугаев. Оба эти отделения были доступны флорентийским зевакам... Французские спектакли давались два раза в неделю, а затем следовал бал. Самого хозяина, разбитого параличом, перевозили из комнаты в комнату в креслах с колесами. Конюшни были наполнены английскими кровными лошадьми... Случалось, что Н. Н., рассматривая отчеты сибирских своих заводов,

находил нужным вытребовать для личных объяснений во Флоренцию какого-нибудь из уральских своих приказчиков, и, получив такое приказание, сибиряк запрягал тройку в повозку и, на основании поговорки, что «язык до Киева доведет», в ней проезжал всю Россию и Германию и являлся к барину во Флоренцию, не говоря ни на каком другом языке, как на русском...»

97

Однако, как и его дядя, более чем чудачествами, Николай Демидов прославился своей благотворительностью: он щедро помогал городу, жертвовал на церковь, основал несколько школ во Флоренции. После его кончины наследство перешло с его сыну, Анатолию Никитичу Демидову. Тот был женат на родной племяннице Наполеона I — Матильде (дочери Жерома — брата императора), приобрел близ Флоренции княжество Сан-Донато и построил там виллу. Домовая церковь Демидовых в Сан-Донато долгое время являлась главным храмом всех православных во Флоренции. Приумножил Анатолий Демидов и богатейшие коллекции своего отца, пополнив их большим количеством драгоценных мраморных и бронзовых ваз, статуй, бюстов, в том числе вырытых при раскопках Помпей и Геркуланума. Когда много позднее коллекции Демидовых перевозились по морю в Санкт-Петербург, потребовалось несколько больших кораблей.

А. Н. Демидов умер в 1870 г. бездетным, и его огромное состояние, основой которого были нижнетагильские заводы и земли в Сибири и на Урале, унаследовал племян-

ник — Павел Павлович Демидов. Он родился 9 октября 1839 г. в Веймаре, рано потерял отца и был воспитан матерью, Авророй Карловной (урожденной Шернваль), вышедшей вторым браком за А. Н. Карамзина, сына знаменитого историка. Павел Демидов окончил юридический факультет Петербургского университета, а затем продолжил службу в русских дипломатических представительствах в Европе. Его биограф писал о нем:

“Порывистый, страстный, часто увлекавшийся, молодой Демидов в широком кругозоре разнообразных впечатлений умел находить и распознавать те стороны людского быта, на которых никогда не останавливается внимание людей, упивающихся жизнью... Богач прежде всего хотел узнать нищету и бедствие. Избалованный или, прямее сказать, подавленный благами жизни, Демидов не удовлетворялся суетою и искал правды. Он ещё в Париже сблизился с людьми духовного направления и искал опоры в друзьях церкви и евангельской мудрости...”

После смерти первой жены Марии Елимовны (урожденной княжны Мещерской) Павел Демидов бросил дипломатическую службу, вернулся в Россию и поселился в губернском городе Каменце, а потом в Киеве, где был сначала почетным мировым судьей, а потом городским головой. Занимался благотворительностью, активно жертвуя на нужды города, университета и церкви.

Посещал Павел Демидов и Тоскану, где унаследовал от дяди владения в Сан-Донато. Во Флоренции он продолжил традиции семьи: открыл несколько школ, деше-

Вилла Демидовых Пратолино под Флоренцией

вые столовые, ночлежные приюты. В 1872 г., уже будучи вторично женатым на княжне Елене Петровне Трубецкой (дочери санкт-петербургского предводителя дворянства), он приобрел поместье Пратолино, в двадцати километрах от Флоренции по старой болонской дороге.

Вилла в Пратолино была построена еще 70-х годах XVI в. Франческо I Медичи, великим герцогом Тосканским, для своей возлюбленной, а потом жены — Бьянки Капелло. Восторженное описание виллы оставили Монтень и Торквато Тассо. К началу XIX в. вилла пришла в полное запустение, старый дворец был разрушен, и новый владелец — П. П. Демидов — перестроил под основное здание старый пажеский корпус. Достопри-

Скульптура Джамболоньи “Аллегория Апеннин”
 (“Колосс”) в парке виллы Пратолино

мечательностью парка виллы Пратолино продолжает оставаться грандиозная скульптура Джамболоньи “Аллегория Апеннин”.

С разрешения русского императора Александра II Павел Демидов принял пожалованный ему итальянским королем Виктором-Эммануилом титул князя Сан-Донато и две награды — Орден Св. Маврикия и Лазаря и Орден Итальянской короны. В 1879 г. граждане Флоренции поднесли П. Демидову золотую медаль с изображением его и княгини и адрес, доставленные в Сан-Донато особой депутацией, в составе которой были представители всех корпораций города. Муниципалитет избрал

по этому случаю князя и княгиню Сан-Донато почётными гражданами Флоренции.

Павел Павлович Демидов скончался на своей вилле под Флоренцией в 1885 г. сорока шести лет от роду; его тело было сначала погребено в Пратолино, а потом переправлено в Россию.

Вилла Сан-Донато на северо-западе Флоренции была продана еще в 1880 г. — сейчас там находится флорентийская городская больница. Еще раньше, в 1879 г., была упразднена домовая церковь, существовавшая с 1840 г.; ее убранство (иконостас, киоты, клиросы, резные двери работы Барбетти) были переданы православной церкви во Флоренции на Via Leone X, построенной по проекту архитектора М. Т. Преображенского. “Нижний храм” церкви был освящен в 1902 г. во имя Св. Николая Чудотворца — покровителя Николая Никитича Демидова, основателя флорентийской линии семейства.

Имение Пратолино после смерти П. П. Демидова перешло к его дочери Марии Павловне, всю жизнь прожившей в Италии и умершей там в 1956 г. Виллу и имение она завещала своему племяннику Павлу — отпрыску югославской королевской семьи Карагеоргиевичей.